

Маленко Влад.

ВМ 23
СЕНТЯБРЯ

Влад Маленко

Воскресенье - Москва - 2003

Талантливый человек талантлив во всем. А талантливый актер заявит о себе в любой ипостаси актерского мастерства. Влад Маленко тому подтверждение. Актер Театра на Таганке, автор и ведущий нескольких телевизионных программ, поэт и исполнитель своих песен, имитатор голосов. Но не только...

■ Сергей МОЛЧАНОВ

— Влад, вы приближаетесь к возрасту Христа. Далее маячат не менее знаковые для актеров и поэтов цифры — 37 и 42... Не боитесь аналогий?

— Не боюсь, хоть их в моей жизни хватало. Я родился в центре Москвы, в Оружейном переулке. Маяковка 70-х... Для России это было одно из самых спокойных времен. Не в политике, она — пена, а потому что люди тогда еще не обзавелись железными дверьми и страшными собаками. Были еще палисадники, самовары во дворах. А рядом Высоцкий проносился на Мерседесе к себе, на Малую Грузинскую улицу, и голос его звучал из окон. Я влюбился в Высоцкого с детства, и только потом узнал, что наши дни рождения совпадают.

— Это знаковое совпадение для актера «Таганки»?

— А то! Мой гримерный столик находился сначала в большой общей для актеров комнате. И народный артист Виталий Шаповалов, мой любимый «Шопен», предложил перейти к нему — в гримерную, которая была когда-то Высоцкого. Так я оказался рядом со столиком Владимира Семеновича.

— А как вы попали к Любимову?

— После армии окончил «Щепку», и меня взяли в Театр имени Моссовета. Я понравился ныне покойному Льву Федорови-

чу Лосеву, он тогда определял весь порядок в театре, его даже Раневская любила! Лев Федорович начинал еще первые капустники — с Жаровым, Ильинским, Утесовым, молодым Ширвиндтом. Вот и во мне он сразу «капустное» разглядел. Когда случались юбилеи — этому актеру 60, тому — 100, он говорил: «Влад, давай». И я давал! Импровизировал на любую тему. Говорил голосами Ельцина, Вознесенского, иных политиков, других поэтов, актеров. Из серьезных ролей сыграл Николку в «Белой гвардии» и Эрика в спектакле «Он пришел». Роль отца Эрика — играл замечательный Борис Иванов, дядя Боря, его все так называли. Как-то я с похмелья приезжаю на спектакль, встречаю дядю Борю и шепотом спрашиваю: «У вас нет случайно штопора?» Он: «Как тебе не стыдно, я народный артист!» — и достает штопор. Но смотрит укоризненно, мол, как я мог подумать, что народный артист и без штопора. А потом меня «украл» Юрий Петрович Любимов.

— Украл?

— Любимов искал молодых актеров, чтобы продлить жизнь своего театра, дать ему второе дыхание. Я ему показался для «Братьев Карамазовых» и услышал: «Завтра «Высоцкий», накидай что-нибудь смешное, займи нишу Филатова». Вот так он бросил меня из огня да в полымя. Между нами установился абсолютно творческий, даже веселый контакт. Любимов разрешал мне на сцене то, что мало кому позволялось.

— В плане импровизации?

— Конечно. Он ведь сам по натуре хулиган и очень любит хулиганов! Ему интересен человек не только на сцене, но и в жизни, например, что актер на арфе играет или, скажем, боксирует. Мне всегда нравилось разжигать в Любимове эту подростковую. Юрий Петрович сидит на спектаклях в последнем ряду со своим знаменитым фонариком и дает им знать актерам, как идет действие, хорошо ли, плохо ли. Бывает, даже кричит мне во время

и фейс-контроль у Любимова

— 23 сент. — с. 5

Юрию Любимову я интересен не только как актер, но и как человек

спектакля, дескать, что ты делаешь! А я в ответ: «Товарищи! Там какой-то хулиган! Выведите его! А-а, я его знаю... Его фамилия Любимов». И этот кайф, это хулиганство, эти маски были по душе зрителям и самому Юрию Петровичу. Когда у меня черт в «Карамазовых» по настоянию Любимова заговорил голосами Ельцина и Жириновского, то сначала казалось, что это будет «попса». Но Любимов оказался прав: это хороший ход площадного театра, когда текст Достоевского: начинает переливаться иными, современными смыслами — и становится страшно!

— Вы озвучивали на ТВ «Куклы» у Шендеровича?

— Для Любимова это имело большое значение, когда он брал меня в театр. Нагрузка в «Куклах» была колоссальная, а после закрытия «Кукол» на ТВС появился «Кремлевский концерт», где я от начала до конца озвучивал Путина.

— Значит, ваша телекарьера началась с «Кукол»?

— Нет, параллельно с ними в 95–98-м годах я со товарищи придумал и вел на Первом канале передачу «Тет-а-тет» о молодежных проблемах. Потом мы с замечательным артистом и режиссером Васей Мищенко придумали передачу «Естественный отбор» на канале М1. В ней живая обезьянка Джоник, которую озвучивал я, встречалась с разными людьми, всерьез разговаривая о человеческих проблемах. Джоник говорил: «Люди! Будьте людьми!»

— Как удавалось удерживать живого шимпанзе в «рамках»?

— Его снимали отдельно, а на записи передачи в его кресле сидел я. И говорил Хакамаде или Кобзону: «Я не Влад Маленко, а Джоник, относитесь ко мне с большим пиететом». И гости преоблажались! А живой Джоник мог и обнюхать вице-спикера Думы, и тогда на озвучке я мог выдать такой текст: «Привет! Что там с партией, с выборами? Подожди, дай я на тебе блошку поймаю».

— А где Джоник сейчас?

— Уже год наш Джоник — Ларик на Первом канале. Каждое утро мы занимаемся серьезным делом — собираем детей в школу, что, впрочем, не мешает Ларику-Джонику отчаянно хулиганить. Дети пишут: «Мы тебя очень любим, Ларик, жаль, что ты компьютерный». На это я им отвечаю с экрана: «Какой же я компьютерный? Я живой! Вот у меня уши, зубы... Хотите, я вам рукой, то есть лапой (или все-таки рукой) помашу?» Знаете, вообще-то актер и должен быть немного обезьяной.

— Но прежде — актером. А вы ушли из «Таганки»...

— У меня случился конфликт с Любимовым — не творческого, а человеческого плана: из театра выгоняли моего учителя. Я написал заявление об уходе. Было тяжело. После Любимова, после «Таганки» актеру трудно найти что-то равноценное, просто так в другой театр не пойдешь. Но тот же Юрий Петрович всегда учит не сдаваться, не

быть беспечным. Ты должен брать метлу и лететь в космос! И недаром многие бывшие «таганковцы» открыли свое дело, создали свои театры. Филиппенко, Смехов, Демидова... долго можно перечислять, расска- зывать...

— Любимов подписал заявление?

— Да, но через какое-то время позвонил и сказал, что с моей стороны это был единственный правильный поступок. Эх, сложно это все... Но по мне лучше остаться человеком, сохранить душу и лицо, чем сконъюн- ктурить и поехать на гастроли в Германию или получить кварти- ру.

— На М-1 вы ведете про- грамму «Фейс-контроль»...

— Это игра на узнавание пуб- личных людей, ее мы будем не только продолжать, но и совершенствовать. А еще мы присту- паем к новой программе «Стоп- кран». Представьте, сумасшед- ший убегает из больницы, и, по- ка не «примчались санитары и зафиксировали», как у Высоцко- го в песне, он должен расска- зать людям о мире... причем в стихах.

— Кто будет писать стихи?

— Я буду писать. Но это не стихи, стихи — это серьезно. У нас будет зарифмованная речь сумасшедшего, который, не исклю- чено, на самом деле нор- мальнее всех. Мои стихи от дет- ских страхов, /От новогодней темноты, /Где за окном в ночных рубахах/ Стоят январские цве- ты/. Вот так, примерно. Сам я иногда «думаю стихами», не рифмую специально, нет, но как- то сами появляются и ритм, и об- разы. Иногда что успеваю, запи- сываю.

— А результат?

— В 95-м поступил в Литера- турный институт к покойному ны- не прекрасному педагогу и поэ- ту Николаю Константиновичу Старшинову. Выпустил две книжки стихов. Член Союза пи- сателей России.

— Влад, а как вы сейчас го- ворили — не открывая рта?

— Вещаю чревом помаленьку!